

История науки

Slava
Gerovitch

Soviet Space Mythologies

Public Images,
Private Memories,
and the Making
of a Cultural Identity

University of Pittsburgh Press

Вячеслав
Герович

Мифология советского космоса

Новое
Литературное
Обозрение

2024

УДК 316.344.24: 629.78

ББК 60.543.129-26

Г37

Редактор серии К. Иванов

Герович, В.

Г37 Мифология советского космоса / Вячеслав Герович; пер. с англ. А. Писарева, А. Шуваловой. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 328 с.: ил. (Серия «История науки»)

ISBN 978-5-4448-2563-1

Советская космическая мифология возникла под давлением противоречивых сил — требований секретности, с одной стороны, и запросов пропаганды, с другой. Из культурной памяти стирались любые ошибки и неудачи, связанные с космосом, и история свелась к набору клише: безупречные космонавты выполняли безошибочные полеты с помощью безотказной техники. Но имидж героя-пилота плохо сочетался с образом пассажира полностью автоматизированного корабля. И инженеры, создававшие космическую технику в полной неизвестности, и космонавты, вынужденные заниматься пропагандистской работой вместо подготовки к новым полетам, пытались противостоять мифам официальной истории с помощью передававшихся из уст в уста рассказов, выросших в своеобразные контрмифы. Основанная на обширных архивных исследованиях и интервью с космонавтами и инженерами, эта книга прослеживает механизмы формирования советских космических мифов и контрмифов и их связь с меняющимся образом космоса в советской и постсоветской культуре. Вячеслав Герович — историк науки и техники, автор книг и статей по истории советской кибернетики, космонавтики, математики и вычислительной техники, руководитель исследовательского проекта по устной истории советской математики. Преподаватель Массачусетского технологического института.

УДК 316.344.24: 629.78

ББК 60.543.129-26

Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity by Slava Gerovitch

Published by agreement with University of Pittsburgh Press, 7500 Thomas Boulevard, 4th Floor, Pittsburgh, PA 15260, U. S. A.

© А. Писарев, А. Шувалова, перевод с английского, 2024

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	7
Введение. Создание воспоминаний о космической эпохе	11
Глава 1. «Почему мы говорим неправду?»: конструирование мифов советской космической истории	26
Глава 2. Сталинские конструкторы-ракетчики устремляются в космос: техническая интеллигенция встречает оттепель	71
Глава 3. «Новый советский человек» внутри машины: инженерная психология, конструирование космических кораблей и строительство коммунизма	109
Глава 4. Человек в руках техники: полет Гагарина в документах и свидетельствах	145
Глава 5. Проблемы взаимодействия человека и машины, профессия космонавта и конкурирующие образы космического полета	195
Глава 6. Человек как часть пропагандистской машины. Публичный образ и профессиональная идентичность советских космонавтов	248
Глава 7. Вспоминая советскую космическую эру. Миф и идентичность в постсоветской культуре	294
Указатель имен	320

Посвящается памяти Майи

Благодарности

Эта книга подводит итог моего более чем тринадцатилетнего исследования истории и мифологии советской космической программы. Я хотел бы выразить благодарность Дэвиду Минделлу, возглавлявшему проект по изучению истории бортового управляющего компьютера космического корабля «Аполлон»¹ и в 2001 году пригласившему меня провести серию интервью с ветеранами американской космической отрасли. Дэвид предложил мне расширить рамки этого проекта и включить в него изучение советской космической вычислительной техники, поэтому на следующий год я отправился в Россию, чтобы поработать в архивах и провести интервью с ветеранами российской космонавтики. Еще две научные поездки в Россию состоялись в 2004 и 2006 годах, когда я работал над проектами «Доверять машине: бортовые компьютеры, автоматика и ручное управление в советской космической программе» (2003–2005) и «Конструировать космонавта: технополитика автоматизации в советской пилотируемой космической программе» (2006–2007), которые финансировались Национальным научным фондом. Продолжение исследования в 2007–2008 годах было поддержано стипендией по аэрокосмической истории от Американской

¹ При финансовой поддержке Фонда Альфреда Слоуна и Дибнеровского института истории науки и техники в рамках проекта «История современной науки и техники» (History of Recent Science and Technology (HRST)).

исторической ассоциации. Наконец, в 2008–2010 годах я взял дополнительные интервью в рамках проекта «Устная история советской космической программы», поддержанного Отделом истории Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА).

Сотрудники архивов и музеев любезно помогли мне в поиске исторических материалов и предоставили к ним доступ. Я благодарю сотрудников Архива РАН, Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива научной и технической документации (РГАНТД), Музея Ракетно-космической корпорации «Энергия», Мемориального дома-музея академика С. П. Королева, Музея космонавтики в Москве, Музея Центра подготовки космонавтов в Звездном городке, а также Смитсоновского национального музея воздухоплавания и аэронавтики и Исторического справочно-информационного фонда (Historical Reference Collection) НАСА в Вашингтоне.

В ходе исследования многие коллеги оказали мне неоценимую помощь. Мой друг и коллега Асиф Сиддики с самого начала был моим спутником в лабиринтах истории советского космоса. Как и я, он ездил в Россию, работал рядом со мной в архивах и участвовал в совместных интервью. Проект многим обязан поддержке Асифа и его способности щедро делиться своими обширными знаниями. Я очень признателен Роджеру Лониусу, чьи выдающиеся исследования и личная поддержка сделали для меня привлекательным полем космической истории. Кэтлин Льюис любезно поделилась со мной глубоким знанием советской космической программы. По части устной истории меня поддерживали и консультировали Уильям Барри, Стивен Дик и Стивен Гарбер из Отдела истории НАСА. В свою очередь, беседы с американским астронавтом Джеффри Хоффманом и советскими космонавтами Михаилом Бурдаевым, Ординардом Коломийцевым, Валентиной Пономаревой, Виктором Савиных, Ириной Соловьевой и Владимиром Шаталовым были чрезвычайно познавательными и дали почву для дальнейших

размышлений. По мере того как проект рос и формировался, большую помощь и интеллектуальный импульс дали мне мои коллеги-историки: Игорь Афанасьев, Джеймс Эндрюс, Дебора Батталья, Арчи Браун, Мартин Коллинз, Дуэйн Дэй, Дебора Даглас, Джон Гудман, Джеймс Хансен, Эндрю Дженкс, Алексей Кожевников, Бэттиэнн Кевлес, Лина Кохонен, Джон Криг, Роберт Макгрегор, Ричард Мэйнс, Эва Маурер, Дон Митчелл, Скотт Палмер, Дмитрий Пайсон, Питер Песавенто, Этан Поллок, Эдуард Пройдаков, Кристофер Патни, Дональд Рейли, Джулия Ричерс, Моника Рютерс, Кармен Шайде, Соня Шмид, Мэттью Шинделл, Майкл Дж. Смит, Виктория Смолкин-Ротрок, Дэг Спайсер, Глен Свансон, Рошанна Сильвестер, Юрий Тяпченко, Джон Тилко и Чарльз Вик. Мой учитель Лорен Грэхем, как путеводная звезда, ведет меня по академической жизни.

Ранние версии некоторых глав были ранее опубликованы как отдельные статьи. Глава 1 была напечатана в журнале *The Russian Review*¹; глава 2 — в *OSIRIS*²; глава 3 — в другом номере *OSIRIS*³; глава 5 — в книге «Ключевые проблемы в истории космических полетов»⁴; глава 6 — в книге «В космос: освоение космоса и советская культура»⁵, фрагменты главы 7 публиковались в сборнике «Советская космическая культура: увлечение космосом в социалистических обществах»⁶, а также в издании

¹ *Gerovich S.* «Why Are We Telling Lies?»: The Creation of Soviet Space History Myths // *The Russian Review*. 2011. Vol. 70. № 3. P. 460–484.

² *Idem.* Stalin's Rocket Designers' Leap into Space: The Technical Intelligentsia Faces the Thaw // *Osiris*. 2008. Vol. 23. P. 189–209.

³ *Idem.* «New Soviet Man» Inside Machine: Human Engineering, Spacecraft Design, and the Construction of Communism // *Osiris*. 2007. Vol. 22. P. 135–157.

⁴ *Idem.* Human-Machine Issues in the Soviet Space Program // *Critical Issues in the History of Spaceflight* / S.J. Dick, R.D. Launius (eds). Washington, DC: NASA SP-4702, 2006. P. 107–140.

⁵ *Idem.* The Human inside a Propaganda Machine: The Public Image and Professional Identity of Soviet Cosmonauts // *Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture* / J. T. Andrews, A. A. Siddiqi (eds). Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 77–106.

⁶ *Idem.* Memories of Space and Spaces of Memory: Remembering Sergei Korolev // *Soviet Space Culture: Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies* / E. Maurer, J. Richers, M. Rütters, C. Scheide (eds). London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 85–102.

«Вспоминая космическую эпоху»¹. Для данной публикации они были существенно переработаны и дополнены.

Мне хотелось бы поблагодарить Одру Вулф, редактора издательства Питтсбургского университета: она предложила мне написать эту книгу и помогала советом в работе над рукописью. Я также признателен Эбби Колльер, которая пришла на смену Одре и терпеливо работала со мной на завершающих стадиях подготовки книги. Эндрю Дженкс и анонимный рецензент тщательно прочитали рукопись и дали чрезвычайно полезные комментарии, которые позволили мне поставить новые исследовательские вопросы и обогатили мое понимание темы.

Эта книга — сверстница моего младшего сына Миши, который родился в сентябре 2001 года, когда я приступил к этому исследовательскому проекту. Все эти годы Миша и мой старший сын Алик были источником вдохновения, а моя любимая жена Майя давала мне силы и необходимую поддержку. Ее уход после долгой болезни в марте 2014 года стал для нас невосполнимой потерей. Эту книгу я посвящаю ее памяти.

*Вячеслав Герович
Натик, Массачусетс, США*

¹ Gerovich S. Creating Memories: Myth, Identity, and Culture in the Russian Space Age // Remembering the Space Age / S.J. Dick (ed.). Washington, DC: NASA History Division, 2008. P. 203–236.

Введение. Создание воспоминаний о космической эпохе

Роман «Белая крепость» нобелевского лауреата Орхана Памука — это тонкое размышление о власти памяти над человеком. Главные герои — итальянский ученый и турецкий аристократ, живущие в XVII веке, — делятся друг с другом самыми сокровенными воспоминаниями и постепенно каждый начинает воспринимать воспоминания другого как свои собственные. Их идентичности начинают размываться, пока сами герои (и читатель) не перестают понимать, кто есть кто. В конце концов память берет над ними верх, и они меняются своими изначальными идентичностями. Турок становится ученым и уезжает в Италию, а итальянец оставляет науку, чтобы наслаждаться роскошной жизнью при дворе султана¹. Урок этой истории в том, что наши воспоминания определяют, кем мы являемся, и манипулирование ими затрагивает самую суть нашей идентичности.

Ключевые события космической эпохи особенно сильно отпечатались в памяти; именно поэтому эта эпоха и обрела такое название. Триумфы первого полета Юрия Гагарина и первого шага на Луне Нила Армстронга, трагедия экипажа «Аполлона-1», гибель Гагарина, катастрофы космических челноков «Челленджер» и «Колумбия» — одни из самых ярких и эмоциональных воспоминаний последних поколений. Но что мы на самом деле помним, когда вспоминаем космическую эпоху? В 1986–1988 годах когнитивный психолог Ульрик Найссер провел исследование с 44 студентами-испытуемыми, которых спрашивали, в какой

¹ Памук О. Белая крепость. СПб.: Амфора, 2005.

ситуации они впервые услышали новость об аварии «Челленджера» (январь 1986 года). Первая встреча, на которой им задали этот вопрос, прошла на следующее утро после события, вторая — с теми же участниками — спустя два с половиной года. Оказалось, что ни один из вторых ответов не совпадал полностью с исходным, а более трети были, как выразился Найссер, «дико неточными». Более того, даже когда испытуемым показали их первые письменные ответы, они были убеждены, что правдивы именно поздние воспоминания. Исходные воспоминания попросту исчезли из их сознания¹.

Исследования в когнитивной, социальной и клинической психологии, а также в когнитивной нейронауке показывают, что наша память — это гораздо более динамичный и манипулируемый процесс, чем считалось ранее. Наши воспоминания не хранятся в неизменной форме; мы не достаем их из постоянного хранилища, чтобы потом вернуть нетронутыми. Согласно конструктивистскому подходу, каждый акт воспоминания — это воссоздание, реконструкция памяти². Каждый раз, когда мы «извлекаем из памяти» воспоминание, мы заново проживаем вызвавшее его событие, переживаем соответствующие эмоции, переделываем это воспоминание и сохраняем новую версию, переписывая старую. В момент воспоминания память становится неустойчивой и может быть изменена и даже «стерта» или же может быть подсажено ложное воспоминание³. Воспоминание

¹ Neisser U., Harsh N. Phantom Flashbulbs: False Recollections of Hearing the News about Challenger // *Affect and Accuracy in Recall: Studies of «Flashbulb» Memories* / E. Winograd, U. Neisser (eds). New York: Cambridge University Press, 1992. P. 9–31.

² Концепция памяти как динамичного и конструктивного процесса восходит к работе: Bartlett F. C. Remembering. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1932. Обзоры недавних исследований см. в: Schacter D. L. et al. The Cognitive Neuroscience of Constructive Memory // *Annual Review of Psychology*. 1998. Vol. 49. P. 289–318; Schacter D. L. Memory Distortion: History and Current Status // *Memory Distortion: How Minds, Brains, and Societies Reconstruct the Past* / D. L. Schacter (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. P. 1–43; *Idem*. Searching for Memory: The Brain, the Mind, and the Past. New York: Basic Books, 1996.

³ Об экспериментах по «стиранию» обусловливания страхом у крыс см.: Nader K., Schafe G. E., Le Doux J. E. Fear Memories Require Protein Synthesis in the Amygdala for Reconsolidation after Retrieval // *Nature*. 2000. Vol. 406. P. 722–726.

чего-либо, в сущности, идентично созданию нового оригинального воспоминания. «Вспоминание—это своего рода восприятие», утверждают психологи, «и каждый контекст будет менять природу того, что вспоминается»¹. Как следствие, мы на самом деле не помним исходное событие; мы помним только наше последнее воспоминание этого события. Чем больше мы занимаемся воспоминаниями, чем чаще вспоминаем что-то, тем больше мы воссоздаем и меняем это воспоминание, уходя все дальше и дальше от исходного события.

Согласно школе «нарративной психологии», в формировании личности существенную роль играет объединение отдельных воспоминаний в связный нарратив, который придает смысл событиям прошлого². По словам невролога Оливера Сакса, «любой из нас имеет свою историю, свое внутреннее повествование, непрерывность и смысл которого составляют основу нашей жизни. Можно утверждать, что мы постоянно выстраиваем и проживаем такой „нарратив“, что личность есть не что иное, как внутреннее повествование»³. Когда личность в настоящем создает и искажает свои воспоминания прошлого, сама подверженность этих воспоминаний искажениям служит определенной цели—учредить преемственность между личностью в настоящем и в прошлом. Литературовед Пол Икин утверждал, что память индивида «не только буквально необходима для конституирования идентичности, но и играет решающую роль, постоянно пересматривая и редактируя вспоминаемое прошлое, чтобы соответствовать потребностям

Об экспериментах, показывающих возможности имплантации ложных воспоминаний у людей, см.: Loftus E. F., Ketcham K. *The Myth of Repressed Memory*. New York: St. Martin's Press, 1994.

¹ Rosenfeld I. *The Invention of Memory: A New View of the Brain*. New York: Basic Books, 1988.

² См.: Bruner J. S. *Autobiography and Self // Acts of Meaning*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990. P. 99–138; Neisser U., Fivush R. (eds) *The Remembering Self: Construction and Accuracy in the Self-Narrative*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994.

³ Сакс О. *Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики*. СПб.: Science Press, 2006. С. 152.

и требованиям личности, которой индивид стал в настоящем, каким бы оно ни было»¹.

Мы суть то, что мы помним, и это одинаково верно для индивидов и обществ². Понятие *коллективной памяти*, введенное французским социологом Морисом Хальбваксом, подчеркивает, что индивидуальные воспоминания укоренены в социальном взаимодействии. Используя понятия коллективной памяти и социальной памяти, культурная история опирается на метафору общества как вспоминающего субъекта. Этот субъект конструирует свою идентичность на основе коллективных актов памяти и может пережить психологическую «травму», глубоко искажающую коллективные воспоминания³. Коллективная

¹ Eakin P. J. *Autobiography, Identity, and the Fictions of Memory* // Memory, Brain, and Belief / D. L. Schacter, E. Scarry (eds). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. P. 293–294. О «синдроме ложной памяти» как механизме адаптации см.: The Seven Sins of Memory: How the Mind Forgets and Remembers. New York: Houghton Mifflin, 2001.

² О недавних попытках собрать специалистов по когнитивной психологии, психопатологии, психиатрии, нейробиологии, социальной психологии, социологии и истории, чтобы обсудить феномен памяти с разных дисциплинарных точек зрения, см. академический журнал «Memory Studies», а также: Butler T. (ed.) *Memory: History, Culture and the Mind*. Oxford, UK: Blackwell, 1989.

³ См. свежие работы по коллективной памяти в социальной и культурной истории: Confino A., Fritzsche P. (eds) *The Work of Memory: New Directions in the Study of German Society and Culture*. Urbana: University of Illinois Press, 2002; Connerton P. *How Societies Remember*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1989; Gillis J. R. (ed.) *Commemorations: The Politics of National Identity*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994; Nora P. (ed.) *Realms of Memory: Rethinking the French Past*. 3 vols / Translated from the French L. D. Kritzman. New York: Columbia University Press, 1996–1998; *Idem.* (ed.) *Rethinking France: Les Lieux de mémoire*. 2 vols / Translated from the French D. P. Jordan. Chicago: University of Chicago Press, 2001–2006; Нора П. Франция — память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999; Olick J. *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. New York: Routledge, 2007; *Idem.* (ed.) *States of Memory: Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection*. Durham, NC: Duke University Press, 2003; Zerubavel E. *Time Maps: Collective Memory and the Social Shape of the Past*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. Среди работ, посвященных «травматичным» событиям в американской исторической памяти: Linenthal E. T., Engelhardt T. (eds) *History Wars: The Enola Gay and Other Battles for the American Past*. New York: Metropolitan Books, 1996; Linenthal E. T. *The Unfinished Bombing: Oklahoma City in American Memory*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001; Rosenberg E. S. *A Date Which Will Live: Pearl Harbor in American Memory*. Durham, NC: Duke University Press, 2003.

память — культурно санкционируемые и публично разделяемые индивидами представления о прошлом — формирует социальные идентичности и поставляет нарративы, при помощи которых индивиды публично описывают свои личности, вспоминают прошлое и интерпретируют настоящее¹.

Применение конструктивистской модели индивидуальной памяти к истории культуры влечет за собой глубокие последствия. Подобно индивидуальной памяти, коллективная память постоянно пересоздается, исходные воспоминания при этом заменяются их более поздними версиями. Так культурная история становится самореференциальной: она питается собой и вспоминает собственные воспоминания. Чем больше определенное общество или группа занимается воспоминаниями, тем более интенсивно работает коллективная память, тем больше мы мифологизируем и забываем. Вспоминать и мифологизировать — одно и то же. Подобно тому как искаженные частные воспоминания укрепляют ощущение единства индивидуальной личности во времени, культурные мифы усиливают национальную или групповую идентичность.

Всерьез восприняв идею, что наша культура — это мифы, которыми мы живем, историки сосредоточили внимание на культурных функциях коллективных мифов: структурировать и передавать историческую память, создавать основу для господствующего «главного нарратива» и формировать социальные идентичности. В этом контексте не так важно, правдив миф или нет. Важна политическая и культурная сила культурных мифов, будь они этническими, религиозными или идеологическими,

¹ В данной книге «коллективная память» понимается и как набор культурных норм, регулирующий практики сохранения и передачи памяти, и как корпус текстов и других видов символической репрезентации, которые конкретная культура производит, опираясь на эти нормы. Самые авторитетные тексты функционируют как воплощения «главного нарратива» и устанавливают действующие нормы для более широкого дискурса воспоминания. Термин «коллективная память» при этом не подразумевает однообразия индивидуальных воспоминаний или монолитности культуры. Разные группы в рамках более широкого общества могут иметь разные коллективные воспоминания, которые подкрепляют групповые идентичности, а собственные нарративы этих групп могут вступать в конфликт с «главным нарративом», преобладающим в культуре в целом.

то есть их способность действовать, заинтересовывать общественность, рассказывать историю, с которой можно идентифицировать себя, и изобретать идеал для подражания.

Метафора общества как вспоминающего субъекта может вводить в заблуждение, поскольку затушевывает активную роль индивидов в выборе, изменении и комбинировании разных представлений о прошлом, а также скрывает зависимость этих представлений от проблем и конфликтов настоящего. Джеймс Верч предложил понятие *коллективного воспоминания*, чтобы описать и нарративы, и невербальные практики актуализации памяти¹. Алейда и Ян Ассманы разбирают на части понятие *культурной памяти*. Они проводят различие между *коммуникативной памятью* и *культурной памятью*, противопоставляя «проживаемую, телесно воплощенную» автобиографическую память культурно санкционируемому памятованию, которое опосредовано текстами, символами и публичными акциями². Коммуникативная память — это мимолетные повседневные обмены, например шутками или слухами, а культурная память воплощена в материальных объектах и социальных обычаях. Культурная память формирует групповую идентичность, дает инструменты для воссоздания прошлого, образует устойчивые понятия «наследия», предполагает специализацию и институционализацию и выполняет образовательные, нормативные и рефлексивные функции³.

Коммуникативная память активно взаимодействует с культурной памятью⁴. Институционализация культурной памяти национальными государствами — учреждение национальных архивов, публичные празднования разнообразных годовщин

¹ Wertsch J. V. *Collective Memory // Memory in Mind and Culture* / P. Boyer, J. V. Wertsch (eds). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009. P. 117–137.

² Assmann J. *Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / A. Erll, A. Nünning (eds). Berlin: Walter de Gruyter, 2008. P. 113–118.

³ *Idem*. *Collective Memory and Cultural Identity // New German Critique*. 1995. Vol. 65. P. 125–133.

⁴ Walzer H. *Communicative Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / A. Erll, A. Nünning (eds). Berlin: Walter de Gruyter, 2008. P. 285–298.

и распространение предпочтительных исторических нарративов — часто служит политической цели усиления национальной идентичности и маргинализирует индивидуальные воспоминания и альтернативные социальные идентичности. Коммуникативная память переинтерпретирует и обесценивает некоторые аспекты организованных и церемониальных мемориальных практик, в то время как частные воспоминания оказываются «зараженными национальными проектами сохранения и передачи памяти (*remembrance*)»¹. Французский культурный историк Пьер Нора утверждает, что старая эпоха памяти и традиции уступила место новой эпохе истории и сознательного конструирования нарративов. «О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет», пишет он². Актуальные исследования посвящены истокам исторических мифов, их произвольному конструированию политическими элитами и их репрессивной способности маргинализировать альтернативные истории и идентичности³.

В космической истории есть свои повторяющиеся мифы. Сравнивая главные нарративы исследования космоса в разных национальных контекстах, Асиф Сиддики выявил четыре культурных архетипа, или «тропа», структурирующих эти нарративы: миф об отце-основателе (в советском случае это Константин Циолковский); миф об исключительно отечественном происхождении космической техники; миф о полете в космос как выражении национальной идентичности; и разнообразные стереотипные обоснования космического полета: судьба человечества, слава нации, национальная безопасность, экономическое развитие, научные исследования и польза для обычных людей⁴. У каждой

¹ *Fritzsche P. The Case of Modern Memory // Journal of Modern History. 2001. Vol. 73. P. 107.*

² *Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П. Франция — память. С. 17.*

³ *Fritzsche P. The Case of Modern Memory.*

⁴ *Siddiqi A. A. Spaceflight in the National Imagination // Remembering the Space Age / S. J. Dick (eds). Washington, DC: NASA History Division, 2008. P. 17–35. О мифах вокруг Циолковского см.: Andrews J. T. Red Cosmos: K. E. Tsiolkovskii, Grandfather of Soviet Rocketry. College Station: Texas A&M University Press, 2009.*

нации свои вариации этих мифов, например американский «миф о ведущей роли президента» и триумфальный «главный нарратив», которые сопровождаются левыми, правыми и конспирологическими контрнарративами¹. Миф об астронавтах «Аполлона», описанный историком Роджером Лониусом, включает в себя несколько компонентов: астронавт служит примером «обыкновенного человека», но в то же время олицетворяет собой американский идеал, воплощая образ маскулинного героя — молодого, веселого, бодрого воина, который, под руководством старшего и более мудрого наставника, указывает нации путь прогресса к утопическому будущему².

Подобно турку и итальянцу в романе Памука, которые обмениваются идентичностями, слушая истории друг друга, астронавты тоже подвержены влиянию собственного имиджа в популярной культуре. Документальный фильм «В тени луны» Дэвида Сингтона целиком состоит из интервью с астронавтами программы «Аполлон», проиллюстрированных фрагментами архивных съемок³. Эта лента сделана не как набор самостоятельных историй об отдельных полетах; вместо этого она сплетает фрагменты историй астронавтов в метаисторию, которая размывает разницу между разными полетами и даже разными астронавтами. Выглядит так, будто составной образ астронавтов рассказывает составную историю о посадках на Луну. В другом документальном фильме, «Все это чудо» Джеффри Рота, используется похожая техника, чередующая комментарии семи астронавтов, высаживавшихся на Луну⁴. Как отметил один из обозревателей, «монтаж был сделан настолько мастерски, будто говорят

¹ См.: *Launius R. D. American Spaceflight History's Master Narrative and the Meaning of Memory // Remembering the Space Age / S. J. Dick (ed.). Washington, DC: NASA History Division, 2008. P. 353–385; Launius R. D., McCurdy H. E. (eds) Spaceflight and the Myth of Presidential Leadership. Urbana: University of Illinois Press, 1997.*

² См.: *Launius R. D. Heroes in a Vacuum: The Apollo Astronaut as a Cultural Icon. Paper presented at the 43rd AIAA Aerospace Sciences Meeting and Exhibit, January 10–13, 2005, Reno, Nevada. AIAA Paper № 2005-702. http://klabs.org/history/roger/launius_2005.pdf.*

³ «In the Shadow of the Moon». David Sington. Discovery Films, 2007.

⁴ «The Wonder of It All». Jeffrey Roth. Jeffrey Roth Productions, 2007.

не семь индивидов, а один — зачастую говорящий продолжает предложение, начатое предыдущим оратором»¹. Здесь органично смешиваются индивидуальные истории и личности астронавтов. Каким образом достигается такое смешение? Прием ли это создателей фильма или работа фундаментального культурного механизма, в реальной жизни вытесняющего индивидуальные идентичности ради соответствия культурному стереотипу астронавта? Что происходит с альтернативными воспоминаниями? Это художественное смешение воспоминаний можно рассматривать как метафору того, как общество стирает и переписывает историческую память.

Советские космические мифы оказались удивительно схожи с мифами американскими, только с соответствующими заменами: новый советский человек вместо «настоящего парня» (*right stuff*) и превосходство социализма вместо превосходства капитализма. Однако важное отличие состояло в том, что в советском мифе из культурной памяти стирались любые ошибки, связанные с космосом. Ограниченный секретностью, с одной стороны, и требованиями пропаганды, с другой, главный советский нарратив космической истории свелся к набору клише: безупречные космонавты выполняют безошибочные полеты с помощью безотказной техники.

В отличие от американских публичных контрнарративов, советские контрвоспоминания сформировали устную традицию, полностью отделенную от письменных источников. Контрнарративы часто ассоциируются с группами, которые «исключены», «игнорируются» или как-то еще маргинализируются в исторических описаниях². Однако контрвоспоминания советской космической истории культивировались известными публичными фигурами (космонавтами) и элитными технократами (космическими инженерами); при этом возникало противоречие между

¹ Wells R.A. Review: The Wonder of It All // Space Review. 2007. November 12. <http://www.thespacereview.com/article/996/1>.

² Merridale C. War, Death, and Remembrance in Soviet Russia // War and Remembrance in the Twentieth Century / J. Winter, E. Sivan (eds). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. P. 77.

их личными воспоминаниями и публичными образами. Например, ощущая потребность как-то соответствовать своему идеализированному публичному образу, Гагарин превратился в «искреннего обманщика», искусного мастера «правдивой лжи» (*truth-lie*)¹. «Правдивые истории» событий, урезанных или перевранных в официальных отчетах, передавались от одного поколения космонавтов и космических инженеров к другому, порождая контрмифы и формируя коммуникативную память этих профессиональных групп. Контрвоспоминания определяли их приватную идентичность точно так же, как главный нарратив формировал их публичный образ.

Распространяясь за пределами космического сообщества, контрвоспоминания смешивались с общественными настроениями, которые варьировались от неподдельного энтузиазма до глубокого цинизма. Это смешение породило множество городских мифологий — от сказки о том, что Сталин лично основал советское ракетостроение, до конспирологических теорий гибели Гагарина и политических шуток о чрезмерно усердных космонавтах и невежественных политиках².

В нашей книге исследуется взаимодействие культурной и коммуникативной памяти на материале широкого спектра советских культурных практик вспоминания космической эпохи с 1960-х годов до перестройки и постсоветского времени — от опубликованных воспоминаний до публичных ритуалов и официальных историй. В советском контексте — вопреки стереотипу о централизованном контроле властей над историческим дискурсом — границы между разными формами культурной памяти были весьма проницаемыми, а в создании мифов участвовали многочисленные акторы с разными методами

¹ См.: *Jenks A. L. The Sincere Deceiver: Yuri Gagarin and the Search for a Higher Truth // Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture / J. T. Andrews, A. A. Siddiqi (eds). Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 107–132.*

² См. отличный анализ проявлений культа Гагарина и реакций на него в ст.: *Jenks A. L. Conquering Space: The Cult of Yuri Gagarin // Soviet and Post/Soviet Identities / C. Kelly, M. Bassin (eds). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2012. P. 129–149.*

и целями¹. В полуприватных пространствах чрезвычайно за-секреченной космической отрасли коммуникативная память рассказов ветеранов смешивалась с символизмом публичных ритуалов и формировала культурную память космических инженеров и космонавтов. Воспоминаниями, скрытыми от внешнего мира, активно делились в таких промежуточных пространствах памяти — между частным и публичным, неформальным и официальным, техникой и политикой. С опорой на личные дневники и интервью с участниками космической программы в этой книге доказывается, что и мифы, и контрмифы играли конструктивную культурную роль, снабжая публичный дискурс набором коллективных тропов и отсылок, формируя идентичности космонавтов и космических инженеров, воплощая или подрывая официально декларируемые советские ценности.

Первая глава посвящена становлению главных мифов советской космической эпохи, таких как миф о Королеве и миф о космонавтах. Особое внимание уделено мемуарам и памятным мероприятиям как культурным средствам мифологизации истории. Официально распространяемые мифы о советском космосе лили воду на мельницу пропагандистской машины, давали наглядные репрезентации идеологическим понятиям социализма и национализма и цементировали идентичность нации. Вместо того чтобы рассматривать эти мифы исключительно как инструменты пропаганды, в этой главе они изучаются как продукты советских практик вспоминания — как публичных, так и приватных. Мифы о космосе конструировались не только сверху. Разнообразные исторические акторы — от космонавтов и космических инженеров до военных руководителей, деятелей искусства и широкой общественности — вносили свой вклад

¹ В своем глубоком исследовании воспоминаний о сталинском терроре, бытовавших в хрущевскую эпоху, историк Полли Джонс ставит под вопрос жесткость «разделения публичной и частной памяти при государственном социализме» и предполагает, что «публичная память (а равно и публичное забывание) обычно формируется взаимодействием и борьбой между разными нарративами о прошлом и разными формулировками воспоминаний» (*Jones P. Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–70*. New Haven, CT: Yale University Press, 2013. P. 10).

в космическую мифологию, и он далеко не всегда был созвучен официальной версии.

Во **второй** главе обсуждается влияние профессиональной культуры инженеров-ракетчиков позднесталинского времени на инженерные и организационные практики космической программы в хрущевский период. Сталинское наследие и двойной военно-гражданский характер работы инженеров-ракетчиков оказали глубокое влияние на идентичность этой элитной группы советской технической интеллигенции. Фокусируясь в этой главе на таких понятиях, как контроль, авторитет и ответственность, я исследую роль инженерной культуры в формировании советского подхода к автоматизации управления пилотируемых космических аппаратов. Космические инженеры хрущевского периода, опираясь на техники покровительства и налаживания связей, бытовавшие в сталинскую эпоху, смогли преодолеть неэффективность системы управления советской промышленностью и продвинуть свою повестку исследований космоса.

В центре внимания в **третьей** главе — расхождение между публичным имиджем советских космонавтов и их профессиональной идентичностью. Советская пропаганда часто использовала советскую космическую программу как символ более масштабного и амбициозного политического и инженерного проекта — строительства коммунизма. Оба проекта предполагали конструирование новой личности, и космонавт часто рассматривался как модель «нового советского человека». Советские космонавты публично олицетворяли коммунистический идеал, активную человеческую деятельность по социально-политическому и экономическому преобразованию общества. В то же время космические инженеры и психологи считали людей-операторов составной частью сложной технической системы и отводили космонавтам весьма ограниченную роль в управлении космическим аппаратом. В этой главе изучается, как личность космонавта стала предметом инженерной психологии, и проводится сравнение символических ролей космонавта и астронавта в контексте холодной войны.

В **четвертой** главе комбинируются документы и свидетельства очевидцев о первопроходческом полете Гагарина в космос. Официальным нарративом гагаринского полета стала история успеха, а все детали, наводившие тень на эту картину, были вычищены из официальной хроники. Цензоры тщательно проверяли каждую публикацию, не допуская раскрытия информации о технических поломках или межличностных проблемах. Согласно официальной версии, полет Гагарина проходил без сбоев—за исключением небольшой загвоздки с неправильно закрытым люком на стартовой площадке, но ее быстро устранили. Была опубликована вычищенная версия стенограммы переговоров Гагарина с Землей; отредактированную версию послали и руководству Коммунистической партии. Еще до того, как советское политическое руководство в пропагандистских целях начало вводить в заблуждение весь мир, руководители космической программы стали скрывать от политиков свои технические и управленческие ошибки. В этой главе, основанной на мемуарах, дневниках и документах, представлены различные конфликтующие точки зрения многих участников и наблюдателей и создается разноплановая картина становления мифа.

Пятая глава посвящена, казалось бы, техническим дискуссиям вокруг необходимой степени автоматизации управления космическими аппаратами. Эти споры были важны для определения того, какие навыки—летчиков или инженеров—потребуется космонавтам. В этих дискуссиях тесно переплелись техника, профессиональная идентичность и социальный статус. Советские космонавты были «спроектированы» как часть большой технической системы; их рост и вес строго регламентировались, а действия были полностью запрограммированы. В отсутствие долгосрочной космической политики полеты обычно планировались исходя из краткосрочных целей, зачастую без должного внимания к рекомендациям специалистов по инженерной психологии. Образно говоря, советская космическая политика была встроена в тела и мысли космонавтов, по мере того как сами космонавты физически и ментально встраивались в космические аппараты. Проблема автоматизации бортовых

систем поднимала и более масштабные вопросы о смысле и целях полета человека в космос. Споры вокруг автоматизации отражали конкурирующие мнения о том, что является главной задачей космического полета — пилотируемое или научные исследования.

В **шестой** главе обсуждается противоречие между публичным имиджем космонавтов и их профессиональной идентичностью. Миф о космонавтах задумывался как новый, прогрессивный и высокотехнологичный, однако сконструирован он был из традиционных элементов советской пропаганды. Сам медиум — старая, неповоротливая машина пропаганды — незаметно подрывал футуристическое сообщение. Да и носитель сообщения, космонавт, относился к нему неоднозначно. Те вопросы, что более всего интересовали космонавтов, — технические аспекты космического полета, чрезвычайные ситуации на орбите и планы будущих полетов — должны были оставаться за кадром в их публичных выступлениях. Космонавтов заставляли подчиняться текущей повестке машины космической пропаганды — так же, как они должны были подчиняться автоматизированной системе управления своих космических аппаратов. Ни та, ни другая машина не оставляла им пространства для инициативы. Космонавты пытались расширить рамки ручного управления на орбите — и точно так же пытались они обрести контроль над собственной социальной ролью. Они не были идеальными автоматами на борту — и не стали безупречными моделями для общества.

Последняя, **седьмая**, глава посвящена взаимодействию мифа и идентичности в постсоветской культуре. В нынешней России, которая потеряла свой прежний коммунистический идеал и все еще ищет объединяющую «национальную идею», первопроходческий полет Гагарина обретает особый смысл. Эта вершина достижений советской космической программы часто выдвигается как исторический символ, которым россияне могли бы по праву гордиться, несмотря на травму потери статуса супердержавы. Космическая история теперь становится частью того, что литературный критик Наталья Иванова назвала «ностальгическим»:

не осуждение и не идеализация прошлого, а его актуализация в виде набора символов, служащих ориентирами для сегодняшних дискуссий¹. В постсоветской России культурное наследие десятилетий коммунистического правления причудливо смешивается с не так давно возникшей капиталистической культурой, когда рекламные кампании искусно сочетают старые символы советского с «новыми русскими» капиталистическими ценностями.

История советской космической мифологии предполагает более сложную картину, чем простое подавление неофициальной коммуникативной памяти культурной памятью, поддерживаемой государством. В то время как официальная история советской космической программы представляла мифологизированную версию событий, космические инженеры и космонавты, культивировавшие «контрвоспоминания», создавали собственные мифы. Парадоксальным образом одни и те же люди — совершившие полет космонавты и космические инженеры — зачастую распространяли мифы обоих типов, только в разных пространствах памяти: первые — публично, вторые — частным образом. В культурном водовороте после распада Советского Союза, когда прежние идолы были свергнуты, а прежние отщепенцы канонизированы, оказались размыты четкие аналитические разграничения между публичным и приватным дискурсами, между коммуникативной и культурной памятью и даже между памятью и историей. Единственный оставшийся выбор — уже не между историей и памятью, а между разными версиями мифа.

¹ *Иванова Н.* Ностальжищее. Ретро на (пост)советском телеэкране // *Знамя.* 1997. № 9. С. 204–211.